

Спустя четыре часа они снова двинулись в путь. На сей раз им улыбнулась удача: стоило миновать вершину холма, как взору открылась небольшая деревня.

У самого подножия тонкие струйки печного дыма лениво поднимались над крышами, окутывая селение мирным умиротворением, которое рождается лишь в глуши, отрезанной от остального мира.

Континент Первозданного Начала шестьдесят тысяч лет назад все же разительно отличался от того, каким он стал в будущем.

Земли тогда еще не были так густо заселены, и даже небо над ними казалось бесконечно глубоким и бескрайним.

— Давай устроимся там на ночлег, — предложил Фэйлань. — Люди не вмешивались в эту войну, так что преследователи вряд ли станут прочесывать их селения.

Чжоу Иню было все равно, так что спорить он не стал.

Деревушка оказалась примерно такой же, как и родная деревня Чжоу: около сотни дворов, приютившихся у подножия лесистых гор. До ближайшего мало-мальски оживленного городка было несколько десятков ли. Местные жители испокон веков держались друг за друга, жили уединенно и мирно. Чужаки сюда забредали редко, поэтому появление гостей пробудило в крестьянах небывалое любопытство, смешанное с искренним радушием.

Из-за тяжелых ран Фэйлань едва держался на ногах и говорить ему не хотелось, однако Чжоу Инь отличался еще большей нелюдимостью — на десяток чужих расспросов едва цедил слово. Бессмертному пришлось взять все разговоры на себя. Он прикинулся странником, который оступись на горной тропе, покалечился и теперь искал укрытия на одну ночь.

Под гнетом трех могущественных рас — бессмертных, демонов и яо — люди влачили жалкое, полное страха существование. Неспособные от рождения повелевать стихиями и духовной энергией, они казались ничтожными и беззащитными. Но именно эта уязвимость сплотила их перед лицом невзгод. Шестьдесят тысяч лет спустя все будет иначе: раса яо угаснет, бессмертные и демоны разделят сферы влияния и перестанут вмешиваться в дела друг друга, а люди на Континенте Первозданного Начала погрязнут в бесконечных усобицах. Там, в будущем, государства и заклинатели станут грызть друг другу глотки в непримиримой борьбе за власть, славу, редкие артефакты и крупницы духовной силы.

Гостей устроили в доме старосты. Едва прослышав о прибытии путников из дальних краев, деревенские побросали работу и поспешили навстречу, неся с собой нехитрое угощение.

Их радушие было подлинным, лишенным лукавства и тайных умыслов. Люди улыбались открыто, радуясь визиту незнакомцев всей душой. Староста собрал гостей в просторной избе, где обычно решались мирские дела, и велел накрыть стол. Вскоре под одной крышей собралась

едва ли не половина деревни. Старику не терпелось разузнать о новостях из большого мира, и он то и дело расспрашивал о происходящем за пределами гор. Поскольку от молчаливого Чжоу Иня толку ждать не приходилось, Фэйланю, пересиливая изнурение, пришлось собраться с силами и поддерживать беседу.

Чжоу Чэнь при виде еды совершенно потерял голову. Этот упитанный пушистый комок взгромоздился на деревянный стол и принялся яростно грызть плод дикого боярышника. Малыш пищал и жмурился от кислинки, но упорно продолжал жевать, уморительно сопя. Сидевшая рядом деревенская девчушка пришла от этого зрелища в полный восторг и несмело протянула руку, чтобы погладить зверька. Маотуань сегодня на удивление благодушествовал: обычно он признавал только прикосновения Чжоу Иня, но сейчас безропотно сносил ласку девчушки, лишь довольно щурил крошечные глазки с видом заправского барина.

Староста заговорился допоздна и спохватился лишь тогда, когда на бледном лице Фэйлани отразилась глубокая усталость. Разогнав односельчан по домам, старик уступил гостям собственные покои.

В комнате наконец воцарилась тишина. Фэйлань тяжело вздохнул:

— Если бы у меня был выбор, я бы предпочел остаться самым обычным человеком. Не найди я тогда наставника, не встань на путь самосовершенствования — не пришлось бы возноситься в Верхнее царство и расхлебывать все это. Жил бы сейчас отшельником в глухом лесу, не зная забот.

— Не будь у тебя духовных сил, ты бы давно сгнил в земле, — отозвался Чжоу Инь. — И не сидел бы тут, предаваясь глупым мечтаниям.

За время их невольного союза Фэйлань успел привыкнуть к манерам спутника, но от подобной язвительности у него все равно дернулся уголок губ.

— Я, между прочим, бессмертный из Верхнего царства, — проворчал он. — Мог бы проявить хоть каплю почтения.

— Стремление к могуществу и бессмертию — это тоже страсть, — холодно заметил Чжоу Инь. — Бессмертные, демоны, яо — все они подчиняются лишь закону силы. О какой свободе может идти речь, если ты даже защитить себя не в состоянии?

Юноша уступал Фэйланю и в положении, и в силе, однако в его невозмутимом голосе и осанке сквозило величие, которое невозможно было игнорировать.

Несмотря на свой божественный статус, Фэйлань не умел спорить, а потому лишь растерянно пробормотал:

— Слишком уж ты циничен. Тех, кто жаждет власти, не так много. Посмотри на здешних крестьян: они слабы, не умеют превращать камни в золото или призывать дожди, но разве они несчастны?

Чжоу Инь лишь усмехнулся. Любое живое существо подсознательно преклоняется перед силой и боготворит могущество. Континент Первозданного Начала через шестьдесят тысяч лет станет тому наглядным подтверждением.

Тот, кто единожды вкусил силу, уже никогда от нее не откажется. Заклинатели годами истощают себя тренировками, силясь прорваться на новую ступень или вознестись на небеса, лишь ради одного — обрести безграничное могущество и почет. Да и сами небожители, якобы отринувшие земные страсти, на поверку оказались точно такими же.

Если так обстояли дела на заре времен, то глупо было надеяться, что грядущие эпохи принесут очищение.

Почувствовав себя неловко под насмешливым взглядом собеседника, Фэйлань поспешил сменить тему и посмотрел на дремавшего Маотуаня.

Собственно, Фэйлань проникся доверием к юноше именно из-за этого маленького существа. То, что Чжоу Инь заботился о Чжоу Чэне и откормил его до неприличной округлости, заставило сердобольного бессмертного причислить случайного попутчика к разряду «славных малых».

Хотя за те несколько дней, что они провели вместе, бессмертный успел осознать: этот безвестный практик бесконечно далек от понятия добродетели.

— Ты не думал разыскать его родичей? — поинтересовался Фэйлань.

— Подрастет — сам найдет, если захочет, — равнодушно обронил Чжоу Инь.

Искать семью зверька в этой эпохе, отстоящей от его времени на шестьдесят тысяч лет, не имело никакого смысла.

Фэйлань нахмурился, подбирая слова:

— Малыш невероятно умен. Пусть сейчас и трудно определить его истинную природу, он точно не из простых низших зверей. Не сочти за грубость, но твоих скромных сил не хватит, чтобы уберечь его, если случится беда.

— Настоящий воин должен уметь постоять за себя сам, — отрезал Чжоу Инь.

Фэйлань несогласно покачал головой:

— Он еще совсем дитя, ему нужна забота. В племенах яо детенышей высших видов с самого рождения оберегают пуще зеницы ока, пока те не окрепнут и не научатся принимать человеческий облик.

Чжоу Инь окинул его взглядом из-под полуопущенных век. В разрезе его глаз не было и намека на нежность — лишь ледяная, колючая насмешка. Шли годы, и смертная оболочка Чжоу Баоэра постепенно теряла юношескую мягкость, все отчетливее обнажая суровую, властную натуру своего истинного хозяина.

— Потому-то род яо и угасает, — парировал Чжоу Инь. — Некогда великий народ, пользовавшийся покровительством самой прародительницы Нюйвы и бога Фуси, ныне превратился в трусливых беглецов, которых гонят отовсюду, точно бродячих псов.

Фэйланю снова не нашлось что ответить, и он позорно замолчал.

— Птенец должен научиться расправить крылья над пропастью, иначе он разобьется при первом же полете.

С этими словами Чжоу Инь бесцеремонно сгреб Чжоу Чэня за загривок, поднял заспанного и ничего не понимающего зверька над головой и разжал пальцы.

Бессмертный в ужасе охнул.

Крошечные крылья, едва достигавшие половины ладони, отчаянно захлопали, удерживая упитанную тушку в воздухе, и зверек благополучно шмякнулся на постель. Ошарашенный Чжоу Чэнь захлопал глазками, издавая тонкий жалобный писк, но уже через миг осознал прелесть забавы. Радостно заверещав, он принялся тормошить Чжоу Иня за рукав, требуя продолжения.

«Ну и парочка», — мысленно вздохнул Фэйлань, прижав ладонь ко лбу.

Закат постепенно угасал, уступая место сумеркам, и на потемневшем небосклоне тонким золотым серпом проступил молодой месяц.

В убогой деревушке царил непривычный, убаюкивающий покой.

Внутри хижины Чжоу Инь сидел на жесткой циновке, скрестив ноги и погрузившись в медитацию. Фэйлань стоял у окна, провожая взглядом последние отблески дня.

Внезапно лицо бессмертного исказилось от тревоги.

— Сюда идут чужаки! — выдохнул он.

В то же мгновение Фэйлань взмахнул рукавом, воздвигая невидимый барьер, чтобы скрыть их присутствие. Затем он вытащил из рукава Зеркало, Раскалывающее Небеса, и бережно опустил его на деревянную столешницу. Легкое прикосновение ладони — и по зеркальной глади пошла рябь, сквозь которую начали проступать нечеткие очертания фигур.

Чжоу Инь приоткрыл глаза.

— Погоня?

Качнув головой, Фэйлань прислушался и нахмурился пуще прежнего.

— Нет... Кажется, это демоны.

Истинных демонов ни в коем случае нельзя путать с простыми демоническими заклинателями.

Демоническая сущность по природе своей воплощает жажду убийства. Демоны рождаются из скопления самого мрачного и холодного дыхания инь, разлитого между небом и землей. Когда первопредок Паньгу сотворил этот мир, а прародительница Нюйва вылепила людей, они совершили великие благодеяния во имя Небесного Дао. Но закон бытия неумолим: свет порождает тьму, и на противоположном полюсе вселенной возникло то, что называют злом — великая противовесная сила, уравнивающая мировой порядок.

Поначалу древние боги не обращали внимания на жалкие струйки черного тумана. Но шли века, божества уходили в небытие, а среди смертных и бессмертных крепились раздоры. Эманации чужих пороков, корысти и похоти питали первородный хаос. Постепенно эта темная энергия обрела собственный разум и волю, положив начало зловещему племени демонов.

В конце концов среди них явился единый владыка. Объединив разрозненные кланы, он превратил свое войско в сокрушительную армаду, с которой отныне приходилось считаться и бессмертным, и предводителям яо.

У демонов нет постоянного облика — они способны принимать любую личину, обращаясь человеком, зверем или даже придорожной травой. После великого раздела сфер влияния они укрылись в бездне Иного мира и редко нарушали покой смертных земель. Лишь изредка в людских деревнях шептались о порождениях тьмы, похищающих души младенцев.

Простые люди, не зная предыстории, привыкли ставить некогда благородный род яо на одну доску со скверной, пренебрежительно объединяя их словом «нечисть», что само по себе было грубейшей ошибкой.

Что же касается так называемых демонических заклинателей, то это были обычные люди, избравшие опасный и извилистый путь познания истины. Их методы зачастую казались безумными и жестокими, за что праведные ортодоксы и клеймили их еретиками.

Фэйлань, как и большинство бессмертных, недолюбливал демонов. На его благородном лице проступила брезгливость, сменившаяся, впрочем, глубокой тревогой.

На гладкой поверхности артефакта проступили две фигуры — мужчина и женщина редкой, манящей красоты. Они бесшумно скользили по деревенской улице, оставаясь невидимыми для простых крестьян благодаря наложенным чарам.

Ни в прошлой жизни, ни в нынешней Чжоу Иню не доводилось сталкиваться с истинными демонами. Испытывая легкое любопытство, он спросил:

— Насколько они сильны?

— Будь я в полной силе, раздавил бы обоих не задумываясь, — вздохнул Фэйлань. — Но сейчас... Если они нападут вдвоем, мне не сдобровать. Шансов на победу мало.

Долго гадать об их целях не пришлось. Зеркало бесстрастно транслировало каждый их шаг. Незваные гости направились к одной из хижин. Внутри нее маленькая девочка весело играла с крошечным лисенком.

Белоснежный пушистый зверек шутливо прикусывал ее мизинец, заставляя малышку залиvistо хохотать.

Это была та самая девчушка, что днем крутилась возле старосты и гладила Маотуаня.

Переступив порог, демоны сбросили невидимость. Мужчина небрежным жестом наложил на девочку Технику обездвиживания, лишив ее возможности двигаться и звать на помощь.

— Беда! — Фэйлань в досаде сжал кулаки. — Им нужен лисенок!

И действительно: почуяв опасность, белый комок шерсти стремительно увеличился в размерах. За его спиной взметнулся пушистый хвост, разделившийся на девять отдельных отростков.

Женщина-демон издевательски расхохоталась:

— Надо же! Каким грозным ты был когда-то, а теперь прячешься за спиной сопливой девчонки!

<http://bllate.org/book/18242/1748946>